

Мария ЯКИМОВА
г. Петрозаводск

«Слабость тоже бывает бесстрашной...»

* * *

Он показал мне дом детства, свои игрушки.
И обернул доверием «бронетрактор».
Я показала лучшие из веснушек.

Это считается высшим любовным актом?

— Знаешь, ты пахнешь так, что я вмиг дурею.
Скажешь: «Физиология, цепь реакций».
Да, вероятно. Впрочем, покажет время.

Кстати, с тобой его можно не опасаться.

— Между неистойвой жаждой и сытым клювом —
там, где фанаты боли проходят мимо —
люди порой действительно: просто любят.

Чем-то там... между пяточками и нимбом.

Мария ЯКИМОВА

Родилась в г. Щецине (Польша).
Окончила филологический факультет Петрозаводского
государственного университета.
Стихи публиковались в журнале «Север», а также
в альманахах «Русские сезоны» и «Родина» Русского
литературного центра (под псевдонимом Мария
Кевальджот).

Автор поэтической книги
«У кошечки — не боли; у собачки — тоже» (2022).
Под именем Мария Молоткова стала лауреат
ежегодного молодежного конкурса «Северная звезда»
журнала «Север» (2012) и лауреатом II степени
VII Международного молодёжного фестиваля-конкурса
поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы».

* * *

Наше лето бросает кости,
ставит нежность на кон и слабость:
«Во мне больше не будет злости.
и, похоже, не будет радости».
Остановка, троллейбус, маски —
дребезжащий побег от мыслей.
Лето смотрит глазами хаски,
добродушно ведёт на выстрел.
Это будет дуэль без правил,
секундантов, врачей и боли:
отстранённость надёжно ранит.
Эти раны меняют роли.

Все любимые нынче — братья.
Каждый любящий — сын. Теперь и
я приравниваюсь к объятьям,
стенам дома и ручке двери.

Пропускаю любимых мимо
и шепчу поцелуям в губы:

«Мама любит тебя, мой Мио..
Мама.
Тебя.
Любит».

МАМЕ

Каждый год я наивно верю,
что мы вместе поедem к морю,
раскидаем по всей ривьере
чемоданы родных историй.

Купим шляпки — как ты хотела —
с широченнейшими полями —
и загнём по-ковбойски смело
над веснушчатymi телами.

Будут мысли легки, упруги;
будет трепет в руке — руки.
Мы — богини. И мы — подруги:
наконец-то и вопреки.

Вопреки «не могу, устала»,
вопреки «я нужнее там».
Мама, мне тебя мало. Мало!
Время рушит нас по пятам.

Ходит слух, мы с тобой похожи:
угол брови, парящий вид,
недовысказанность под кожей
нежной сдержанностью кровит.

В нашем море — на самом донце —
расцветает барьерный риф,
очень хочет увидеть солнце...
но
об этом —
не говорит.

ТЕМ, КТО УМЕЕТ ЖДАТЬ

— Папочка, что, если утром опять гроза
станет шалить и смоет мои рисунки?
— Выйдем на улицу, глянем грозе в глаза
и унесём её лужицы в нашей сумке.

— Папа, что делать, если слеза случайно —
больше зрачков? В ресницах дрожит барашком.
— Имя придумай слезе. Предложи ей чаю,
пересели в кармашек моей рубашки.

— Пап, а мы сходим к старинному маяку?
Единорог скучает по крикам чаек!
— Да, моя бусинка... Море спит на боку,
пенной ладошкой подушку твою качая.

В шторах плутает месяц. Закат сочтется.
Книжка с картинками тихо сопит на стуле.
Мир превращает время в её страницы.
Нежность — в ладони. Любовь нашу —
в грудь под пулей.

— Пап, а ты будешь рядом со мной всегда?
Будешь нести меня — маленькой, навесу —
там, где теперь по швам расходятся города?

— Буду, родная...
просто нас — нарисуй.

ТЕМ, КТО СЛЫШИТ

Слабость тоже бывает бесстрашной.
Но не бывает смелой.
Если хочешь о важном — спрашивай.
Хочешь о вечном — делай.

Можно «слУшать» разглядить в «слЫшать»,
«у» растянуть до «Ы»:
и «крУши» превратится в «крЫши» —
те, что пока целы.
А под крышами будет город —
тот, что теперь спасён.
И вокруг него — синий ворот
озера полосой.

Пусть рукав его бирюзовый
ляжет в сухой бетон.
Это наша святая зона,
наш атмосферный фронт.

Испаряются слов ручьи
в тихую неба гладь.
Этот город не приручить.
Значит — и не предать.

Очищающее молчание —
вкусное путешествие.
Доведение до отчаянного,
хрупкого совершенства.